

УДК 821.134.2 + 821.161.1
ББК 83.3(4Исп)

ПЕТЕРБУРГ – ПАРИЖ – ГЕТТИНГЕН – МАДРИД: СЮЖЕТ ИЗ ИСТОРИИ ИСТОРИИ ИСПАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

© 2020 г. М.Ю. Игнатьева (Оганисьян)

Государственная школа иностранных языков

Драссанес, Барселона, Испания

Дата поступления статьи: 15 июня 2019 г.

Дата публикации: 25 июня 2020 г.

DOI: 10.22455/2500-4247-2020-5-2-102-123

Аннотация: В статье рассматривается один из малоизвестных сюжетов истории Истории испанской литературы: от первых попыток описания и систематизации в XVIII в. до появления обзоров испанской литературы на страницах русских журналов в 20-е гг. XIX в. В задачи исследования входит реконструкция основных этапов истории испанской литературы этого периода и их особенностей. Перипетии родившейся в лоне Просвещения истории испанской литературы показывают, как постепенно эта история открывала глаза на самое себя, часто благодаря иностранным переводчикам и комментаторам. Автор восстанавливает историю возникновения испанской темы в русской литературе (от Карамзина до Булгарина). Затем исследуются источники болгаринского «Взгляда на Историю Испанской Литературы» (первый обзор истории испанской литературы на русском языке): от Сисмонди до Бутервека и Дитце. Таким образом, автор приходит к отправной точке истории испанской литературы – сочинению просветителя Х.Л. Веласкеса, «Истории испанской поэзии» (1754). Особое внимание уделено «Запискам по Истории Поэзии и Испанских Поэтов» Мартина Сармьенто (1745) и «Поэтике» Игнасио де Лусана (1737) как двум догматизирующим и мифологизирующим взглядам на роль литературы в истории нации.

Ключевые слова: история испанской литературы, Булгарин, Сисмонди, Дитце, Веласкес, Лусан, Сармьенто.

Информация об авторе: Мария Юльевна Игнатьева (Оганисьян) – кандидат филологических наук, доцент, преподаватель русского языка, Барселонская Государственная Школа Языков Драссанес, EOIBD, av. Drassanes, 14. Barcelona 08005 Esраña; НИУ ВШЭ, Департамент общей и прикладной филологии, Старая Басманная ул., д. 21/4, 105066 г. Москва, Россия. ORCID ID: 0000-0001-9714-3582

E-mail: maria.ignatieva@gmail.com

Для цитирования: *Игнатьева (Оганисьян) М.Ю.* Петербург – Париж – Геттинген – Мадрид: сюжет из истории Истории испанской литературы // *Studia Litterarum.* 2020. Т. 5, № 2. С. 102–123. DOI: 10.22455/2500-4247-2020-5-2-102-123

PETERSBURG – PARIS – GÖTTINGEN –
MADRID: A STORY FROM THE HISTORY
OF THE HISTORY OF SPANISH LITERATURE

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2020. M.Iu. Ignatieva (Oganissian)

*Escola Oficial d'Idiomes de Barcelona (Drassanes),
Spain*

Received: June 15, 2019

Date of publication: June 25, 2020

Abstract: The article discusses one of the little-known plots of the history of the History of Spanish literature: from the first attempts to describe and systematize it in the 18th century until it appeared in the pages of Russian journals in the 1820s. The objectives of the study include the reconstruction of the main stages of the history of Spanish literature of this period and description of their features. The ups and downs of the history of Spanish literature born in the age of Enlightenment show how it gradually became famous thanks to foreign translators and commentators. The author restores the history of the emergence of the Spanish theme in Russian literature (from Karamzin to Bulgarin), followed up by the analysis of the sources of Bulgarin's "A Look at the History of Spanish Literature" (the first review of the history of Spanish literature in Russian), from Sismondi to Bouterwek and Ditze. Thus, the author comes to the starting point of the history of Spanish literature – the composition of the enlightener J.L. Velazquez, "Orígenes de la poesía española" (1754). Particular attention is paid to the "Memorias para la historia de la poesía y poetas españoles" by Matin Sarmiento (1745) and "La Poetica" by Ignacio de Luzan (1737) seen as two dogmatizing and mythologizing views on the role of literature in the history of the nation.

Keywords: history of Spanish literature, Bulgarin, Sismondi, Dieze, Velásquez, Luzán, Sarmiento.

Information about the author: Maria Iu. Ignatieva (Oganissian), PhD in Philology, Associate Professor, Russian Language at the State School of Idioms Drassanes, EOIBD, av. Drassanes, 14. Barcelona 08005 España; National Research Institute Higher School of Economics, Old Basmannaya St. 21/4, 105066 Moscow, Russia. ORCID ID: 0000-0001-9714-3582

E-mail: maria.ignatieva@gmail.com

For citation: Ignatieva (Oganissian) M.Iu. Petersburg – Paris – Göttingen – Madrid: a Story from the History of the History of Spanish Literature. *Studia Litterarum*, 2020, vol. 5, no 2, pp. 102–123. (In Russ.) DOI: 10.22455/2500-4247-2020-5-2-102-123

В сумерках бенедиктинской кельи.

Мартин Сармьенто

Истоки истории испанской литературы стали предметом специальных исследований испанских ученых в конце XX — начале XXI вв. (см., например: [18; 21; 23]) Ниже мы постараемся описать основную траекторию первого периода этой истории (XVIII — первая треть XIX вв.), дополнив ее сюжетную линию русским материалом. В нашу задачу входит реконструкция основных этапов истории испанской литературы этого периода и выявление их особенностей: создание корпуса авторитетных источников испанской литературы, переводов и переложений главных текстов этого корпуса, а также их рецепции в России.

В 1741 г. папский нунций в Мадриде Сильвио Валенти Гонзага имел беседу с бенедиктинцем Мартином Сармьенто о поэзии. Удивленный широтой эрудиции своего собеседника, нунций попросил его записать все, что тому было известно об испанских поэтах прежних времен. Сармьенто за четыре года выполнил поручение и отправил свое сочинение Гонзаге, который к тому времени вернулся в Рим уже в сане кардинала. В послании, сопровождавшем рукопись, автор предуведомлял своего адресата: «Записки на пятидесяти листах, которые я посылаю Вашему превосходительству, доходят только до времени Католических королей. Хотя они и названы “Записки по Истории Поэзии и Испанских Поэтов”, это неоправданно многообещающий заголовок, я не стер его только потому, что не хотел множить черновики. Так что под нынешним названием предполагается другое: “Черновые записки”. Так как я не выхожу из своей кельи и ни с кем не общаюсь на темы, связанные с литературой, я вынужден был довольствоваться тем

немногим, что у меня было под рукой, и досадовать на себя за свою неловкость. В напечатанных книгах имеется мало новых сведений, при том, что в архивах и библиотеках Испании хранится множество рукописных сборников песен и романсеро, и там можно найти многих древних испанских поэтов и испанские стихи, которые, пылясь в углах, воюют с древоточцами и молюю» [25, с. XXIII].

Сармьенто (1695–1772) предупреждал, что пишет всего лишь «записки»: «...не для истории, но лишь для высказывания некоторых догадок» [25, с. 16]. Недаром его сочинение было опубликовано только в 1775 г., три года спустя после смерти автора. Этот текст, созданный в келье, тем примечательнее, что именно здесь впервые упоминается и первый известный по имени испанский писатель — Гонсало де Берсео, такой же монастырский сочинитель, как и сам Сармьенто¹.

Так начиналась «история испанской литературы», одну из множества сюжетных линий которой мы и попытаемся прочертить в этой статье, речь пойдет о той части литературы, которую в XVIII в. было принято называть «поэзией»². «Следует отграничить понятие “поэзии” от “красноречия”, — пишет Родригес Айон. — Поэзией, то есть сочинениями в стихах, занималась Поэтика, в то время как сочинениями в прозе, красноречием, занималась Риторика. <...> Противоречие между реальностью и теорией привело к тому, что веками литературой считалось только написанное в стихах, но не в прозе. <...> К поэзии относились лирические стихи, эпические поэмы, комедии и трагедии, представлявшие собой драматическую поэзию» [23, с. 324].

В сумерках бенедиктинской кельи под пером брата Мартина мысли, сведения, чувства и чаяния смешивались в единый текст, жанр которого сам он определил в тон освещению — «черновик». На другом конце нашей сюжетной линии — ярко озаренный балкон, с которого незнакомка в мантилье улыбается русскому поэту. Начнем же с конца, чтобы постепенно вернуться к Сармьенто, чтобы с бóльшим вниманием и, возможно, сочувствием прочитать несколько фрагментов из его сочинения.

¹ См. о Берсео нашу статью: [6].

² Тогда понятие «литература» охватывало различные виды знаний: искусства, науки, эрудицию.

История одной мантильи.**Ф.В. Булгарин — первый русский испанист?**

Скинь мантилью, ангел милый,
И явьсь как яркой день!

(А.С. Пушкин, «Ночной зефир», 1824)

Незнакомка — испанская поэзия — не сразу явилась вниманию русского читателя как *яркой день*. Под мантильей скрывались то француженки, то немки, пытавшиеся говорить по-русски с испанским акцентом. История появления этого акцента начинается в 1789 г., в Веймаре. Двадцатитрехлетний Карамзин шагает по вечернему Веймару, останавливается рядом с домом, где живет Гёте, а тот как раз выглянул в окно. Карамзин загляделся на Гёте: «...остановился и рассматривал его с минуту: важное греческое лицо!» На следующий день Карамзин спешит представиться Гёте, но поэт уехал в Йену. Впрочем, в городе «есть еще и другие известные писатели: Бертух, Боде и проч. Бертух перевел с гишпанского “Дон-Кишота” и выдавал “Магазин гишпанской и португальской литературы”; а Боде славится переводом Стернова “Путешествия” и “Тристрама Шанди”» [8, с. 77].

Упомянутый Фридрих Юстин Бертух (1747–1822) перевел на немецкий и напечатал еще в 1780 г. в своем журнале, посвященном испанской литературе, романс о графе Гвариносе, который Карамзин и перевел на русский язык, вероятно, во время своего путешествия³. Первые два стиха этой «Древней гишпанской исторической песни», как назвал ее русский переводчик, распевает хлебопашец в девятой главе второй части «Дон Кихота». Возможно, отсюда и возник интерес Бертуха, переведшего роман, к этому романсу.

Текст в обоих переводах, немецком и русском, состоит из 152 стихов — против 170 стихов в оригинале. Бертух перевел романс по возможности рифмованным стихом, что соответствует оригиналу, в котором четные стихи связаны ассонансной рифмой. Карамзин полностью отказался от рифмы.

Худо, худо, ах, французы,
В Ронцевале было вам!

³ Интересно, что оба они — Карамзин и Бертух — изобрели для своих языков и слово «промышленность».

Карл Великий там лишился

Лучших рыцарей своих.

[9, с. 22–23]

Сюжет романа таков: рыцарь Карла Великого по имени Гваринос оказался в плену у мавританского короля Марлотеса. Последний предложил пленнику принять ислам, а взамен получить руку его дочери и всю Аравию. Гваринос отказался и за это был брошен в темницу. В день святого Иоанна Марлотес устроил праздничный турнир. Никто из собственных рыцарей короля не мог попасть в цель, повешенную слишком высоко. Гваринос уговорил короля позволить ему участвовать в состязании. Семь лет он просидел в темнице, доспехи его покрылись ржавчиной, конь все годы возил известь (у Бертуха — известь и камни, у Карамзина — песок), и все же он сумел копьём поразить цель, а затем, одолев разъяренных его победой мавров, улетел чудесным образом в родную Францию, где его приняли со всякими почестями.

Карамзинский перевод задал своеобразный генетический код, определивший на десятилетия вперед образ и бытие одной из главных испанских тем в русской поэзии. Назовем этот код рыцарским: испанец — это воин-монах, стойко преодолевающий вражеские искушения и гонения, «бенефициар» прижизненных или посмертных чудес⁴. Но не только смысловой код передал Карамзин. «Следует отметить, — пишет Ю.М. Лотман, — что именно Карамзин выработал русскую ритмическую систему для передачи формы испанского романа средствами русской поэзии. Ее в дальнейшем использовал Пушкин (ср. “На Испанию родную...”)» [13, с. 380].

Упомянутые Ю.М. Лотманом стихи Пушкина (сокращенный перевод начала английской поэмы Р. Саути «Родрик, последний из готов») подобны трехчастному вееру, раскрывающему полный рисунок испанской темы: мужественный воин становится аскетом, а затем, сподобившись чудесного видения, возвращается в мир, чтобы там побеждать врагов и обрести покой в душе. Так, первым русским «испанским» стихотворением стал романс о

4 Ср. «С другой стороны, переводу этого романа, сделанному Карамзиным с немецкого перевода и впервые опубликованному в Москве в 1792 г., суждена была долгая популярность не только в литературе; положенный на музыку, он исполнялся на театральных сценах и проник в народную среду, что свидетельствует о широкой известности, которой он пользовался в течение нескольких десятилетий» [1, с. 189].

графу Гвариносе, переведенный Н.М. Карамзиным с немецкого стихотворного перевода Ф.Ю. Бертуха.

Увлечение Испанией⁵ пришло в Россию из Франции, где в 20-е гг. XIX столетия испаномания, по словам А.Д. Михайлова, захватила широкие литературные круги: «Причины этих увлечений понятны. Для многих романтиков Испания была наиболее близкой страной, пронизанной экзотикой, тем местом, где Европа смыкалась с красочным, загадочным арабским Востоком» [14, с. 27].

Не случайно именно в 1824 г. Пушкин написал свое первое «испанское» стихотворение: годом раньше в «Сыне Отечества» появились «Воспоминания об Испании» [3], а в 1821 — «Взгляд на Историю Испанской Литературы», принадлежавшие перу Фаддея Бенедиктовича Булгарина [2], которого и следует, по всей видимости, считать первым русским историком испанской литературы⁶.

Булгарин и сам был героем испанского плутовского романа, пикаро, Ласарильо, гениально разыгравшим все слабые и нелепые карты, которые ему подкидывала фортуна. Исследователь наследия Ф.В. Булгарина А.И. Рейтблат пишет: «Биография Булгарина поражает причудливыми извивами и поворотами. Для Булгарина жанр плутовского романа, к которому он не раз обращался в своем творчестве, не только литературная традиция; он сам, подобно плуту-пикаро, прошел “огонь, воду и медные трубы”, с легкостью перемещался в географическом (Польша — Россия — Германия — Франция — Испания) и социальном (офицер-кавалерист — за-

5 Перевод Карамзина предшествовал грядущей испаномании. «В европейской литературе конца XVIII в. пора увлечения испанскими романами еще не наступила» [12, с. 104]. Эта пора наступит спустя тридцать лет, подобно тому как «российское испановильство» проснется во время гражданской войны в XX в. (ср.: [12, с. 109]). Так же и в 20-е гг. XIX в. революция в Испании, «либеральное трехлетие» 1820–1823 гг., послужит политическим фоном эстетическому увлечению пиренейским колоритом.

6 В эти годы Пушкин относился к Булгарину с уважением, примером чему может служить следующее письмо, написанное поэтом Булгарину в феврале 1824 г.: «С искренней благодарностью получил я 1-й № “Северного архива”, полагая, что тем обязан самому почтенному издателю, с тем же чувством видел я снисходительный ваш отзыв о татарской моей поэме. Вы принадлежите к малому числу тех литераторов, коих порицания или похвалы могут быть и должны быть уважаемы. Вы очень меня обяжете, если поместите в своих листках здесь прилагаемые две пьесы. Они были с ошибками напечатаны в “Полярной звезде”, отчего в них и нет никакого смысла. Это в людях беда не большая, но стихи не люди. Свидетельствую вам искреннее почтение. Пушкин. Одесса. 1 февраля 1824 г.» [15, т. 9, 79].

ключенный — стряпчий — литератор — издатель) пространстве, общался с представителями самых разных социальных слоев и приобрел в результате богатейший и многообразнейший жизненный опыт. Сближает его с героем плутовского романа и тот факт, что при внешней инициативности он всегда стремился не переделать окружающую среду, а приспособиться к ней, действовать в зависимости от обстоятельств» [16, с. 13].

Будучи офицером наполеоновской армии, Булгарин побывал в Испании и оставил «Воспоминания об Испании» — «офицерский рассказ для друзей моих» [3: Предисловие]. Это сочинение, как хорошо показала Л.Н. Киселева, подчинялось конкретным стратегическим задачам: «Исторический контекст для публикации был <...> выбран осмысленно. Либерально мыслящую часть русского общества, сочувствующую испанской революции начала 1820-х гг., должен был привлечь сам объект, а также описание героического сопротивления испанцев завоевателям, картины народной войны, параллели с Отечественной войной 1812 г. С другой стороны, сочувственный рассказ Булгарина о судьбе испанских Бурбонов вполне укладывался в официальную реакцию русского правительства на те же испанские события начала 1820-х годов» [10, с. 93].

Тем не менее, несмотря на стратегичность акцентов и компилятивный характер многих страниц, все же есть в «Воспоминаниях» собственные, живые описания Испании. Заметки Булгарина интересны не только фактами и меткими наблюдениями, но и тем образом Испании, который создает автор и который, несомненно, повлиял и на последующую рецепцию Испании в русской литературе. Булгарин восторженно описывает картины южной природы: «Северный житель, по самому красноречивому описанию, не будет иметь о нем слабого даже понятия. <...> Миртовые, померанцевые и лимонные рощи, оливковые деревья, тысячи разнородных трав и цветов наполняют воздух сладостным благоуханием» [3, с. 11].

Будто в противовес дивной природе, жители и города вызывают у нашего автора брезгливую гримасу: «Как в одежде, так и в домах они (испанцы. — *М.И.*) весьма неопрятны; у самых богачей дома весьма посредственно меблированы и без всякого вкуса. <...> Бедные гидальгосы и простой народ, по большей части, спят на соломе. В деревенских трактирах нет ни столов, ни стульев: сидят, едят и спят на полу» [3, с. 6].

В том, что касается благочестия, испанские бедняки чрезвычайно набожны, а дворянство предано вольнодумству: «Церквей и монастырей невероятное множество. В одном Мадрите считается оных 600. Богатство храмов чрезвычайное. <...> Народ чрезвычайно набожен; но большая часть дворянства только из благопристойности следует общим обыкновениям. Зловредное вольнодумство посеяло уже там горькие семена свои, и между дворянами находится множество последователей философии XVIII в.» [3, с. 6–7].

Булгарин отмечает и рыцарский характер испанской поэзии: «Баллада есть народная собственность Испании: содержание сих стихотворений всегда рыцарское и сверхъестественное, и как француз несет с собою в поход рапиры, испанский солдат несет гитару» [3, с. 8].

Эти булгаринские описания и сейчас читаются с интересом. Можно вообразить, что во времена, когда об Испании знали больше со слов французов, а по-русски припоминали в первую очередь карамзинское «Худо, худо, ах, французы, // В Ронцевале было вам!»⁷, «Воспоминания» создавали в русском культурном поле ту испанскую нишу, в которой так живо и естественно в 1830 г. пушкинская Лаура выйдет на балкон, чтобы отмахнуться от сурового дона Карлоса и уже издали, с юга, поглядеть на Париж: «А далеко, на севере — в Париже...».

В процитированных фрагментах из первых, вводных, воспоминаний Булгарина имплицитно содержатся черты основных жанров испанской литературы предшествующих эпох: рыцарский роман, плутовской роман, трагикомедия, романсеро. Пока же Булгарин издает «Взгляд на Историю Испанской Литературы»: «Со времени упадка народной славы и могущества Испании, то есть от конца царствования Карла V, ученая Европа все не занималась Испанскою Литературою. Едва ли несколько Романов и Баллад, переведенных на иностранные языки, извещали о ея существовании. Наконец, в наше время Немцы первые расторгли завесу, сокрывавшую от глаз литераторов красоты Испанской Словесности, и ученою критикою освежив увядающие лавры великих мужей, возбудили желание в любителях изящного обратить внимание на их творения. Шлегель, Дице и Бутер-

7 Разумеется, следует учитывать рецепцию «Дон Кихота» и новелл Сервантеса, знакомого русской читающей публике по французским переводам, а также по переводам на русский, появившимся в XVIII в. См.: [11].

век, славные Эстетики Германские, познакомили своих единоплеменцев с произведениями пылко воображения благословенной Гесперии, а Сисмонд Сисмонди, шествуя по их следам, издал на Французском языке сочинение: *О Литературе южных стран Европы*» [2, с. 289–290].

Упомянутое Булгариным сочинение Сисмонди и послужило ему основой для журнальной статьи. Жан Шарль Леонар Симонд де Сисмонди (1773–1842), швейцарский историк и экономист, написал, на основе прочитанного им в Женеве курса, четырехтомный обзор южноевропейских литератур, «Литературу южной Европы» (1813)⁸.

Булгарин очень близко следует за Сисмонди, его пересказ часто граничит с переводом. Так, Булгарин пишет: «Язык Испанский богатый и звучный превосходит все одноплеменные языки важностию, протяжностью в произношении и каким-то торжественным тоном, с коим Испанцы произносят выражения самые обыкновенныя. Со всем тем, по свидетельству ученых Критиков, он не столько возделан и утвержден правилами, как языки других просвещенных народов, и потому не имеет надлежащей точности и гибкости; высокопарность же его часто приближается к надутости» [2, с. 291–291].

А вот текст Сисмонди: «Испанский язык более звучный, чем другие языки, слова в нем произносятся очень четко и с придыханием, в нем есть нечто более торжественное, твердое, внушительное; с другой стороны, поскольку философы и ораторы пользовались им меньше, чем итальянским, ему недостает гибкости и точности, и в своей величественности он не всегда ясен, а его высокопарность не лишена надутости» [26, с. 104–105].

Булгарин целиком основывается на сочинении Сисмонди, при этом невольно придавая его тексту ту самую испанскую «высокопарность» и «надутость», над которой иронизировали оба автора. Позднее, в 1823 г., в пылу полемики Булгарин проговорится. Обвиняя А.Ф. Воейкова, издавшего в «Собрании Образцовых Русских сочинений и переводов», в частности, сведения о «Истории иностранных Словесностей» (выражение Булгарина), в недобросовестном изучении имеющейся литературы, Булгарин объявля-

8 Известно, что Пушкин в марте 1825 г. просил брата прислать ему это сочинение, но в 1821 г., вероятнее всего, поэт держал в руках журнал со статьей Булгарина. См. письмо Л.С. Пушкину: «Душа моя, горчицы, рому, что-нибудь в уксусе — да книг: Conversations de Byron, Mémoires de Fouché, “Талию”, “Старину”, да Sismondi (littérature), да Schlegel (dramaturgie), если есть у St. Florenti» [15, т. 9, с. 128].

ет, что сам он ею не пользовался, т. е. сам немецких историков не читал: «Между сими Историями⁹ нет никакой общей связи: каждая написана по особому расположению; источники Автора были притом самые недостаточные. Он не хотел заглянуть в сочинения Бутервека или Эйхгорна, которые доставили бы ему богатые и достоверные материялы, но брал где что попадалось <...>. История Литературы Испанской также большею частью заимствована из статьи, которую я наскоро извлек из Сисмонди» [4, с. 6].

Однако стоит серьезно отнестись и к болгаринскому пересказу Сисмонди (сорок страниц бойкого, а главное, первого повествования об испанской литературе на русском языке), и к его критике Историй, изданных Воейковым. Булгаринские сочинения послужили романтизации Испании. «В Испании Амур не чужестранец» — так начинается сонет А. Дельвига, написанный при посылке книги испанских воспоминаний Булгарина (1823). Испанский амур «и к нам, всесильный не суров, // и к северу мы зрим его вниманье», он «всю тебя одел в очарованье!» Булгарин «одел в очарованье» испанскую литературу, поглядев на нее глазами русского, прочитавшего швейцарца. А тот, в свою очередь, пересказал «ученых немцев». Подобно тому, как Карамзин перевел с немецкого испанский романс и создал первое «русское испанское стихотворение», так же и в истории испанской литературы пути ведут в Германию.

«Славные эстетики германские»: Бутервек и Дитце

В Германии в середине XVIII в. наблюдается антифранцузская реакция, «которая заставила ученых и литераторов обратиться к другим европейским литературам, главным образом к английской и испанской» [23, с. 322]. В самом начале XIX в. И.Г. Гердер издает свою обработку романсов о Сиде (1801), а А.В. Шлегель публикует свои переводы пьес Кальдерона (1803–1804)¹⁰. Гений Кальдерона стал известен Шлегелю благодаря «Истории испанской литературы» (1804) Фридриха Бутервека (1766–1828) и предварявшим ее лекциям в Геттингене¹¹. «Трудно представить себе, — пи-

9 Они были написаны профессором И.Е. Срезневским.

10 Шлегель перевел «Поклонение кресту», «Любовь, величайшее колдовство», «Лента и цветок», «Стойкий принц» и «Мантильбский мост».

11 Имя Бутервека вновь приводит на память Карамзина: в 1792 г. тот опубликовал в своем «Московском журнале» перевод статьи Бутервека «Аполлон». Как пишет Н.К. Гаврюшин, «Карамзин остановил выбор на этой статье не случайно: он почувствовал в ней пафос»

шет Роджер Полин, автор биографии Шлегеля, — сколькими познаниями Шлегель обязан Фридриху Бутервеку, своему современнику, с которым он пересекался в Геттингене <...>. Когда позднее Шлегелю понадобилось изложить историю испанской драмы, он обратился к Бутервеку и иже с ним (хотя и не всегда признавал это)» [22, с. 48–49].

Труд Бутервека был переведен на несколько языков, и лишь в последнюю очередь — на испанский¹². Сам Бутервек, в свою очередь, был обязан интересом к испанской литературе Иоганну Андреасу Дитце (1729–1785): тот перевел и дополнил собственными комментариями первую систематическую историю испанской поэзии, которую написал Луис Хосе Веласкес (1722–1772). Речь о ней, следуя логике нашего рассказа — от будущего к прошлому — пойдет в следующей главе. А пока — несколько слов о заслугах Дитце перед историей испанской литературы. Дитце опубликовал в 1769 г. «Историю испанской поэзии, переведенную с испанского, с комментариями». Он дополнил текст Веласкеса новыми данными, важными биографическими сведениями и библиографическими ссылками.

Дитце собрал в Геттингене превосходную библиотеку испанской литературы, именно здесь зарождалась немецкая испанистика, сочетавшая в испанском идеале просветительскую жажду знаний и романтическую риторику. Ленский «с душою прямо геттингенской» пародирует этот идеал: туманная немецкая ученость и вполне испанская «восторженная речь и кудри черные до плеч». То же соединение холодной академичности

родственной души и увидел эстетическую программу, которую сам был готов разделить» [5, с. 140]. Идеализирующее поэзию отношение, как мы увидим, стало нитью, связывавшей первых историков испанской литературы с теми, кто последовал за ними в России в XIX в. Интересно, что в Лицее Пушкин слушал лекции профессора Георгиевского, возможно, увлеченного эстетическими идеями Бутервека. Вот запись из лицейского дневника Пушкина (1815): «Вчера не тушили свечек; зато пели куплеты на голос: “Бери себе повесу”. Запишу, сколько могу упомнить:

На Георгиевского

Предположив — и дальше

На грацию намеки.

Ну-с — Августин богослов.

Профессор Бутервек» [15, т. 8, с. 11].

12 Авторы предисловия к испанскому изданию сетовали: «Поистине позорно для нас, что эта История Испанской Литературы уже тому немало лет как была переведена на другие языки культурной Европы, в то время как в Испании она была известна лишь по нескольким экземплярам французского перевода» [19, IV].

и теплого сочувствия к персонажам истории литературы отличает комментарии Дитце¹³.

Ранее мы обратили внимание на привязанность Сисмонди и Шлегеля к Кальдерону. Именно в оценке испанской драматургии, составившей ее последующую славу, «ученые немцы» оказались проникательнее своих испанских предшественников. Дитце исправляет, дополняет и извиняет строгие суждения о драматургии Лопе де Вега и Кальдерона, высказанные неоклассицистами — Веласкесом и авторами, которых обильно цитирует последний: Насарре (1689–1751) и Монтиано (1697–1764). Интересно, что немцы открыли Кальдерона, отталкиваясь от сведений, полученных у его недоброжелателей. Как справедливо пишет Санчес, нападки на Лопе или Гонгору были «частью стратегии по распространению их сочинений, а эта стратегия у эрудита Лусана была фирменным знаком» [24, с. 72].

История — поэтика: Веласкес и Лусан

Интерес к собственной национальной истории, включая историю литературы, развился именно в эпоху Просвещения. «Сознание своего отличия, — пишет Алварес Барриентос, — стимулировало, вместе с понятием историцизма и прогресса, появление национального и патриотического чувства, столь характерного для лучших людей XVIII в. Хотя слово “патриот” задокументировано еще в XVII веке, именно в восемнадцатом оно приобретает значение компромисса с политической национальной идеей» [18, с. 102].

Научный прогресс сопровождался финансовой поддержкой со стороны правящей династии, стремившейся отметить этот прогресс декором национального достоинства, а также одновременно повести его в сторону большей независимости от других держав, включая Римский престол. Одним из таких проектов стало создание, по заказу короля Фернандо VI, «Общей истории нации», порученное Л.Х. Веласкесу, автору первой систематической истории испанской литературы.

13 Ср. «Биографии, добавленные Дитцем к тексту Веласкеса, восхищают широтой и надежностью документации; имеют они и другое, не менее важное значение: помимо холодных познавательных фактов, чувствуется внимание к человеческим внутренним движениям и чертам характера, которые можно извлечь из фактов» [21, с. 310].

Луис Хосе Веласкес, маркиз де Вальдефлорес, стоит в ряду испанских ученых и эрудитов XVIII в.; он был наравне с известными деятелями испанского Просвещения — Агустином Монтиано, Бласом Антонио Насарре и Игнасио де Лусаном (1702–1754) — членом Академии хорошего вкуса (1749–1751). Это его «История испанской поэзии» оказалась в руках у Дитце, который и перевел ее, и дополнил новыми сведениями и более объективными оценками. Перечислим главные заслуги автора «Истории испанской поэзии»:

1) это первое описание истории испанской литературы по эпохам и стилям: от варваров до современников;

2) Веласкес первым ввел в оборот термин «Золотой век» по отношению к эпохе второй половины XVI — первой половины XVII вв.;

3) здесь впервые были определены понятия концептизма и культеранизма, ставшие опорными в большинстве учебников по испанской литературе.

Буквальный перевод названия труда Веласкеса (Orígenes de la poesía castellana) звучит так: «Происхождение (источники) кастильской поэзии». Слово *orígenes* указывало на одну из задач как просветительского, так и политического проекта: помимо поиска национальных корней, о котором говорилось выше, это слово, как указывает Родригес Айон, несло «резонанс престижа» [23, с. 35]: авторитетный труд просветителя Грегорио Майанса назывался *Orígenes de la lengua española* («Происхождение испанского языка»). Этот же термин появляется в целом ряде последующих трудов, вплоть до *Orígenes de la novela* («История романа») Менендеса Пелайо и *Orígenes del español* («История испанского языка») Менендеса Пидалья. Лишь тогда, когда были сформированы основы испанской литературной историографии, благодаря в первую очередь трудам двух последних упомянутых ученых, «источники» уступили место «истории». Несмотря на то что Веласкес пишет именно *историю* (не случайно Дитце, переводя его труд, в заголовке указывает *Geschichte* («история»), тем не менее его описание озарено факелом первопроходца: даже рассказывая о современниках, Веласкес не упускает из виду того, что является подлинным (*оригинальным*), заслуживающим внимания. В этом смысле его труд тесно соприкасался с поэтикой и носил прескриптивный характер.

В этой статье мы не станем подробно рассматривать сочинение Веласкеса¹⁴, а отправимся дальше вглубь XVIII в., где испанские просветители обсуждают правила хорошего вкуса в литературе.

Это интересный случай, когда теория запаздывает и не успевает осознать величие практических завоеваний. Историки и теоретики были движимы идеалом канона и правил, хорошего вкуса и совершенства формы. Пушкинский Сальери учил Моцарта жить, но не объяснял ему, как следует писать музыку. Здесь же «ремесленники совершенства» воспринимали весь Золотой век испанского барокко как оплошность, ошибку, падение (*decadencia*).

В 1737 г. доминиканец Игнасио Лусан издал знаменитую «Поэтику», «первый испанский манифест неоклассицизма»¹⁵. В этом манифесте Лусан сетует: «Разумеется, если бы какой-нибудь Лопе де Вега, Педро Кальдерон, Солис или им подобные прибавили к своим большим природным дарованиям образование и мастерство, то появились бы у нас в Испании комедии такие, что прочие нации стали бы восхищаться и завидовать, а между тем сейчас их сочинения, по большей части, служат предметом критики и осмеяния» [20, с. 5].

В качестве «отцов испанских муз» Лусан называет маркиза де Сантьяна, Хуана Боскана, Диего де Мендоса, Гутьерре де Сетина и Гарсиласо де ла Вега (последнего он величает «принцем испанской лирики») и скорбит о «вырождении», последовавшем за этой плеядой. «Я бы погрешил против правды, если бы умолчал о том, кто именно первым ввел эти несчастные перемены: Лопе де Вега Карпио и Луис де Гонгора!» [20, с. 18]. «Лопе де Вега изобрел какую-то свою новую систему, или искусство комедии, противу правил лучших мастеров, и чернь, гоняющаяся за своей излюбленной приманкой — новизной, приучила свой слух, свою речь и аплодисменты ко всему неправильному и экстравагантному» [20, с. 18].

Так же строго Лусан судит и Кальдерона, не прощая ему своенравной игры с неприкасаемыми концептами¹⁶. Новая, собственно испанская, не

14 Наша статья «Первая история испанской литературы: Луис Хосе Веласкес, маркиз де Вальдефлорес» выйдет в специальной монографии ИМЛИ, посвященной истории Истории литературы.

15 «Не будучи явлением оригинальным, “Поэтика” Лусана интересна как первый манифест классицизма в Испании» [17, с. 282].

16 Вот образец его критики. Любовь, говорит Лусан, принято сравнивать с огнем, «а безудержная фантазия многих поэтов вывела из этой метафоры тысячу ребяческих софизмов

итальянизированная поэзия сдвинула тектонические пласты классической лирики, обнаружив не столько возможности изобретательной фантазии (как считал Лусан), но и новые способы владения речью для понимания нового мира. Лусан остается в прошлом, и сам это чувствует. «Я верю, что иные почитатели упомянутых авторов и их образов не одобряют моей цензуры и, пожалуй, еще и назовут дерзостью то, что для меня всего лишь — любовь к истине; и, не рассудив моих резонов, осудят мои слова лишь потому, что они противоречат мнениям тех, о ком они заботятся, и славе поэтов, которых считали до сих пор безупречными» [20, с. 176–177].

«Невежественной черни, полной страстей» противопоставляет Лусан «суд бесстрастных ученых». Лусан, так противившийся соединению фантазии и реальности, утверждает свою истину на умышленной твердыне неоклассицистской фантазии: «Подлинная поэзия покоится на правде и состоит из подлинных совершенств, а не из разладов и призрачных иллюзий. Человеческому разумению, воспитанному для того, чтобы познать правду, если только оно не развращено и не испорчено, никогда ложное не покажется прекрасным» [20, с. 178].

Первая систематическая история испанской литературы — сочинение маркиза де Вальдерфлореса — возникла в кругу неоклассицистов, и это не случайно: истории литературы предшествовала поэтика, в которой была описана и классифицирована, с точки зрения хорошего вкуса, современная историку литература (напоминаем, что речь идет исключительно о текстах, написанных в стихах).

и тысячу ложных и пустых понятий. Любовь, говорит один из этих поэтов, есть огонь, а плач — вода; воде свойственно гасить огонь, так почему же мои слезы не гасят мой любовный огонь? Таков образ (concepto) в одной строфе Кальдерона:

Ardo y lloro sin sosiego,
llorando y ardiendo tanto,
que ni al fuego apaga el llanto,
no al llanto consume el fuego.

(«Горю и плачу неустанно, // так плача и горя, // что ни огонь не осушает плача, // ни плач не угашает огонь».)

Ясно же, что настоящий огонь гасится водой, но не воображаемый огонь любви», и Лусан то ли дело Тассо в «Аминте», где

De llanto se alimenta el inhumano
Cupido, y aún no queda jamás sacio («Бесчеловечный Купидон насыщается плачем, и никогда не может насытиться»)» [20, р. 175].

То есть настоящий плач может питать, не насыщая, воображаемого Купидона, но воображаемый огонь никак не может иметь дело с настоящими слезами.

Возвращение к началу: Сармьенто

Сармьенто создавал *ночной* текст, где любовь к Поэзии, родившейся в раю, сияла сильнее дневного света. «Ты, ночь, меня водила нежнее, чем рассвет», — писал Иоанн Креста (1542–1591), поэт, оставшийся вне поля внимания первых историков испанской литературы: и потому, что был малоизвестен вне кругов ордена кармелитов, и потому, что не вписывался ни в неоклассицистские, ни в барочные рамки.

Спустя семь лет после издания Лусановой поэтики Сармьенто посылает свой текст кардиналу Гонзаге. У двух образованнейших людей своего времени — Сармьенто и Лусана — были разные задачи. Лусан — законодатель вкусов, он с особой заносчивой уверенностью в своем даже не праве, а долге публикует «Поэтику», стремясь воздействовать на литераторов и публику. Сармьенто — скромный историк, монах, пишущий по послушанию для памяти и будущих исследователей. Но у обоих мы встречаем характерное для человека Просвещения отношение к культуре как к некоему идолу: свет правильного знания просвещает ум и сердце. Мимо обоих проходит гениальность «беспорядочного», «беззаконного» Золотого века. Все золото для них — в прошлом. Вот почему и Веласкес, маркиз де Вадьдефлорес, придумавший термин «Золотой век», ошибается, применяя его: Лопе и Кальдерону он предпочитает трагедии Монтиано «Виргиния» и «Атаульфо», написанные по всем канонам классической трагедии, одаривая их высшей похвалой: он называет их «самыми правильными» [27, с. 102]. Уже следующее поколение историков испанской литературы, в лице Дитче и Бутервека, будет расставлять новые акценты, корректирующие иерархию писательских имен.

Мартину Сармьенто так же, как и Лусану и Веласкесу, была свойственна идеализация поэзии. Его записки — личное послание архиепископу, в котором проникновенно и доверительно звучат его признания в любви к Поэзии (Сармьенто пишет это слово только с прописной).

Будучи первым историком, Сармьенто и сам обращается к первому поэту на земле. Им, по его убеждению, был прародитель Адам: «Ясно, что если Адам и написал какое-нибудь стихотворение, то оно воспевало его Творца» [25, с. 11]. Здесь у Сармьенто точная интуиция о генетической связи лирики с гимнографией (см.: [7]). Если Лусан апеллировал к Гомеру [20, Al Lector], то Сармьенто размышляет об Адаме и его поэтическом языке,

пережившем потоп. «Я убежден, что в наши дни не сохранилось ни одного из тех первоначальных языков, которые появились в результате вавилонского смешения. Но делаю исключение для еврейского языка Писания, поскольку легко поверить, что в его исключительной сохранности есть нечто таинственное, тем более что именно на этом языке говорили Адам и люди до потопа. Точно так же бессмысленно было бы пытаться узнать, каким был первый язык Испании, на котором говорили ее жители. Я считаю только, что этот язык должен был быть связан с еврейским» [25, с. 36].

Неоклассицист Лусан категоричен, Сармьенто догматичен, и у обоих бьется сердце от райских звуков рифмованной речи. «Поэзия, — торжественно уверяет Сармьенто, — древнее прозы. Это означает не то, что люди сначала говорили стихами, а потом прозой, а то, что из оставшегося письменного наследия написанное стихами древнее того, что написано прозой. А все оттого, что речь и пение намного предшествует письменности» [25, с. 54–55].

***

Первые испанские историки литературы знали: Поэзия родилась в раю. Поэтому так важны ее дальнейшие приключения, успехи и падения, что она, по Горацию, цивилизует мир («О поэтическом искусстве», стихи 391–404). Один из сюжетов этих приключений, рассказанный в нашей статье, можно было бы представить схематически цепочкой имен (теперь уже в хронологическом порядке — от прошлого к будущему): Лусан — Сармьенто — Веласкес — Дитце — Бутервек — Сисмонди — Булгарин. Первые Историки литературы остались в тени ее творцов. Однако, как мы видели, благодаря историкам поэзии, литературные сочинения пересекали границы времени и пространства и становились источником вдохновения для новых поэтов.

Список литературы

- 1 *Алексеев М.П.* К литературной истории баллады «Граф Гваринос» // *Алексеев М.П.* Русская культура и романский мир. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1985. С. 249–257.
- 2 *Булгарин Ф.В.* Взгляд на Историю Испанской Литературы // *Сын отечества.* СПб., 1821, № 40. С. 289–305, № 41. С. 3–21.
- 3 *Булгарин Ф.В.* Воспоминания об Испании. СПб: В тип. Н. Греча, 1823. 186 с., IV.
- 4 *Булгарин Ф.В.* Ответ на антикритику, помещенную г. Воейковым в N 66 Русаго инвалида касательно Образцовых сочинений, изданных гг. Воейковым же и Срезневским // *Сын отечества.* СПб., 1823. № 13. С. 3–33.
- 5 *Гаврюшин Н.К.* Мистический неоэллинизм и идеал «эстетической Церкви». Ф. Бутерверк и Ф. Гельдерлин // *Вопросы философии.* 2005. № 3. С. 140–148.
- 6 *Игнатьева (Оганисян) М.Ю.* «Жил на свете клирик бедный»: долг и упование Гонсало де Берсео // *Знание. Понимание. Умение.* 2016. № 4. С. 260–267.
- 7 *Игнатьева (Оганисян) М.Ю.* Гимнографические принципы испанской духовной поэзии Высокого средневековья // *МедиаАльманах.* 2017. Вып. 5. С. 152–162.
- 8 *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1984. 720 с.
- 9 *Карамзин Н.М.* Полное собрание стихотворений. М.; Л.: Сов. писатель, 1966. 423 с.
- 10 *Киселева Л.Н.* Фаддей Булгарин о наполеоновских войнах: К вопросу о прагматике мемуарного текста // «Цепь непрерывного предания...»: Сб. памяти А.Г. Тартаковского. М.: РГГУ, 2004. С. 91–104.
- 11 *Корконосенко К.С.* Перевод с испанского в XVIII веке: «Прекрасная цыганка» Сервантеса // *Русская литература.* 2004. № 4. С. 118–124.
- 12 *Корконосенко К.С.* Испанская литература в русской печати (XVIII – 1920-е годы) // *Вестник РГНФ.* 2009. № 1(54). С. 102–110.
- 13 *Лотман Ю.М.* Комментарии к стихам Карамзина // *Карамзин Н.М.* Полное собрание стихотворений. М.; Л.: Сов. писатель, 1966. С. 371–403.
- 14 *Михайлов А.Д.* Сервантес и Мериме // *От Франсуа Вийона до Марселя Пруста.* Страницы истории французской литературы Нового времени (XVI–XIX в.). М.: Языки славянских культур, 2010. Т. II. С. 365–394.
- 15 *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: в 10 т. Изд. 2-е. М.: Изд-во АН СССР, 1957–1958.
- 16 *Рейтблат А.И.* Фаддей Венедиктович Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции. Статьи и материалы. М.: НЛО, 2016. 920 с.
- 17 *Тертерян И.А.* Классичесистическая «Поэтика» Лусана: [Испанская литература] // *История всемирной литературы: в 8 т.* М.: Изд-во АН СССР, 1983–1994. Т. 5 (1988). С. 282–283.
- 18 *Álvarez Barrientos Joaquín.* Nación e Historia literaria a mediados del siglo XVIII en España // *Historia de la literatura,* Zaragoza, Prensas Universitarias de Zaragoza, Universidad de Zaragoza, 2004. P. 101–114.

- 19 *Bouterwek Friedrich*. Historia de la literatura española. Madrid: Imp. de Eusebio Aguado, 1829. P. XVI, 276.
- 20 *Luzán Ignacio de*. La Poética ó Reglas de la poesía en general, y de sus principales especies. Zaragoza: Francisco Revilla, 1737. 503 p.
- 21 *Meregalli Franco*. De José Luis Velázquez a Johann Andreas Dieze // Coloquio internacional sobre el teatro español de siglo XVIII, 1988. P. 303–314.
- 22 *Paulin Roger*. The Life of August Wilhelm Schlegel, Cosmopolitan of Art and Poetry. Openbook publishers, 2016. Available at: <https://www.openbookpublishers.com/reader/25#page/6/mode/2up> (Accessed 20 November 2018).
- 23 *Rodríguez Ayllón Jesús Alejandro*. Un hito en el nacimiento de la Historia de la literatura española: los Orígenes de la poesía castellana (1754) de Luis José Velázquez, Málaga, Fundación Unicaja, 2010. 431 p.
- 24 *Sánchez Laílla, Luis*. La Poética de Luzán // La luz de la razón: literatura y cultura del siglo XVIII: a la memoria de Ernest Lluch / coord. por Aurora Egidio Martínez, José Enrique Laplana Gil. Zaragoza: Prensas Universitarias de Zaragoza, Universidad de Zaragoza 2010. P. 71–96.
- 25 *Sarmiento Martín*. Memorias para la historia de la poesía y poetas españoles. En: Obras posthumas del P.M.Fr. Martín Sarmiento benedictino: tomo primero, Monasterio de San Martín (Madrid), 1775. XXVII, 430 p.
- 26 *Sismondi Simonde de*. La Litterature du Midi de l'Europe, t. 3, Paris: Chez Treutel et Würtz libraires, 1829. 560 p.
- 27 Velázquez de Velasco Luis José (marqués de Valdeflores). Orígenes de la poesía castellana. Malaga: Por los herederos de F. Martinez de Aguilar, 1797. 145 p.

References

- 1 Alekseev M.P. K literaturnoi istorii ballady "Graf Gvarinos" [On the literary history of the ballad]. In: *Russkaia kul'tura i romanskii mir* [Russian culture and the Romanesque world]. Leningrad, Nauka Publ., 1985, pp. 249–257. (In Russ.)
- 2 Bulgarin F.V. Vzgljad na Istoriiu Ispanskoi Literatury [A look at the history of Spanish Literature]. *Syn otechestva*, 1821, no 40, pp. 289–305, no 41, pp. 3–21. (In Russ.)
- 3 Bulgarin F.V. *Vospominaniia ob Ispanii* [Memories of Spain]. St. Petersburg, N. Grech Publ., 1823. 186, IV p. (In Russ.)
- 4 Bulgarin F.V. Otvet na antikritiku, pomeshchennuiu g. Voeikovym v N 66 Ruskago invalida kasatel'no Obraztsovykh sochinenii, izdannykh gg. Voeikovym zhe i Sreznevskim [The Answer to the anti-criticism placed by Mr. Voeikov in N 66 of the *Russky Invalid* regarding exemplary compositions published by Voeikov and Sreznevskim]. *Syn otechestva*, 1823, no 13, pp. 3–33. (In Russ.)

- 5 Gavriushin N.K. Misticheskii neollinizm i ideal "esteticheskoi Tserkvi". F. Bouterwek i F. Hölderlin [Mystical neo-Hellenism and the ideal of the "aesthetic Church". F. Butervek and F. Gölderlin]. *Voprosy filosofii*, 2005, no 3, pp. 140–148. (In Russ.)
- 6 Ignat'eva (Oganissian) M.Iu. "Zhil na svete klirik bednyi": dolg i upovanie Gonzalo de Berceo [Once upon a time there lived a poor cleric: debt and aspiration of Gonzalo de Berceo]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2016, no 4, pp. 260–267. (In Russ.)
- 7 Ignat'eva (Oganissian) M.Iu. Gimnograficheskie printsipy ispanskoi dukhovnoi poezii Vysokogo srednevekov'ia [Hymnographic principles of Spanish spiritual poetry of the High Middle Ages]. *MediaAl'manakh*, 2017, no 5, pp. 152–162. (In Russ.)
- 8 Karamzin N.M. *Pis'ma russkogo puteshestvennika* [Letters of a Russian traveler]. Leningrad, Nauka Publ., 1987. 720 p. (In Russ.)
- 9 Karamzin N.M. *Polnoe sobranie stikhotvorenii* [Complete collection of poems]. Moscow, Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1966. 423 p. (In Russ.)
- 10 Kiseleva L.N. Faddei Bulgarin o napoleonovskikh voynakh: K voprosu o pragmatike memuarnogo teksta [Faddey Bulgarin on Napoleonic wars: On the issue of the pragmatics of the memoir]. In: "Tsep' nepreryvnogo predaniia...": *Sb. pamiati A.G. Tartakovskogo* ["The chain of continuous tradition ...": Col. in memory of A.G. Tartakovsky]. Moscow, RGGU Publ., 2004, pp. 91–104. (In Russ.)
- 11 Korkonosenko K.S. Perevod s ispanskogo v XVIII veke: "Prekrasnaia tsyganka" Cervantes'a [Translations from Spanish in the 18th century: "Beautiful Gypsy" by Cervantes]. *Russkaia literatura*, 2004, no 4, pp. 118–124. (In Russ.)
- 12 Korkonosenko K.S. Ispanskaia literatura v russkoi pechati (XVIII — 1920-e gody [Spanish literature in the Russian press (18th century — the 1920s)]. *Vestnik Rossiiskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda*, 2009, no 1 (54), pp. 102–110. (In Russ.)
- 13 Lotman Iu.M. Kommentarii k stikham Karamzina [Comments on the poems by Karamzin]. In: Karamzin N.M. *Polnoe sobranie stikhotvorenii* [Complete collection of poems]. Leningrad, Sovetskii pisatel', 1966, pp. 371–403. (In Russ.)
- 14 Mikhailov A.D. Cervantes i Mérimée [Cervantes and Mérimée]. In: *Ot François Villon'a do Marcel'ia Proust'a. Stranitsy istorii frantsuzskoi literatury Novogo vremeni (XVI–XIX veka)* [From Francois Villon to Marcel Proust. Pages of the history of French literature of the New time (16th–19th centuries)]. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2010, vol. II, pp. 365–394. (In Russ.)
- 15 Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochinenii: v 10 t.* [Complete works: in 10 vols.], 2nd ed. Moscow, Nauka Publ., 1957–1958. (In Russ.)
- 16 Rejtblat A.I. *Faddei Venediktovich Bulgarin: ideolog, zhurnalist, konsul'tant sekretnoi politzii. Stat'i i materialy* [Faddey Venediktovich Bulgarin: ideologist, journalist, and advisor of the secret police. Articles and materials]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2016. 920 p. (In Russ.)
- 17 Terterian I.A. Klassitsistsicheskaia "Poetika" Luzan'a [The Classicist poetics of Luzán]. In: *Ispanskaia literatura. Istoriia vseмирnoi literatury: v 8 t.* [Spanish Literature. History

- of world literature: in 8 vols.] Moscow, Nauka Publ., 1983–1994. Vol. 5, 1988, pp. 282–283. (In Russ.)
- 18 Álvarez Barrientos, Joaquín. Nación e Historia literaria a mediados del siglo XVIII en España. *Historia de la literatura*. Zaragoza, Pressas Universitarias de Zaragoza, Universidad de Zaragoza, 2004, pp. 101–114. (In Spanish)
- 19 Bouterwek Friedrich. *Historia de la literatura española*, Madrid, Imp. de Eusebio Aguado, 1829, pp. XVI, 276. (In Spanish)
- 20 Luzán Ignacio de. *La Poética ó Reglas de la poesía en general, y de sus principales especies*. Zaragoza, Francisco Revilla, 1737. 503 p. (In Spanish)
- 21 Merigalli Franco. De José Luis Velázquez a Johann Andreas Dieze. *Coloquio internacional sobre el teatro español de siglo XVIII*, 1988, pp. 303–314. (In Spanish)
- 22 Paulin Roger. *The Life of August Wilhelm Schlegel, Cosmopolitan of Art and Poetry*. Openbook publishers, 2016. Available at: <https://www.openbookpublishers.com/reader/25#page/6/mode/2up> (Accessed 20 November 2018). (In English)
- 23 Rodríguez Ayllón Jesús Alejandro. *Un hito en el nacimiento de la Historia de la literatura española: los Orígenes de la poesía castellana (1754) de Luis José Velázquez*. Málaga, Fundación Unicaja Publ., 2010. 431 p. (In Spanish)
- 24 Sánchez Laílla, Luis. La Poética de Luzán. *La luz de la razón: literatura y cultura del siglo XVIII: a la memoria de Ernest Lluch*, coord. por Aurora Egido Martínez, José Enrique Laplana Gil. Zaragoza, Institución “Fernando el Católico” (C.S.I.C.), 2010, pp. 71–96. (In Spanish)
- 25 Sarmiento Martín. Memorias para la historia de la poesía y poetas españoles. *Obras posthumas del P.M.Fr. Martín Sarmiento benedictino*. Madrid, Monasterio de San Martín, 1775. Vol. 1. XXVII, 430 p. (In Spanish)
- 26 Sismondi Simonde de. *La Litterature du Midi de l'Europe*. Paris, Chez Treutel et Würtz libraires, 1829. Vol. 3. 560 p. (In French)
- 27 Velázquez de Velasco Luis José (marqués de Valdeflores). *Orígenes de la poesía castellana*. Malaga. Por los herederos de F. Martinez de Aguilar Publ., 1797. 145 p. (In Spanish)